

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: ЛЕГИТИМАЦИЯ ИЛИ ОПРАВДАНИЕ ВЛАСТИ?

На протяжении последних десяти лет мы регулярно поднимали проблему становления гражданского общества в России. Закономерно возникал вопрос: зачем и кому оно нужно? Этот вопрос особенно остро стоит сейчас, когда смена курса власти ставит под сомнение необходимость дальнейшего продвижения России по пути либерализации и демократизации. И хотя официального отказа от либеральных ценностей еще не последовало, все громче и громче звучат заявления о «собственной гордости» России и ее культуры, а также о желательности поиска своего пути развития, отличного от западного. В условиях, когда такого рода пожелания уже превратились в почти официальную идеологию и стали чуть ли не основанием общественного консенсуса, всякого рода «прозападные» постановки вопросов о гражданском обществе, правовом государстве и т.д. начинают звучать неуместно и не ко времени. Однако поскольку вопрос о гражданском обществе как чем-то самостоятельном все еще ставится, это свидетельствует о существовании иницилирующей его реальной проблемы. Проблема эта одинакова как для Запада, так и для Востока — это проблема оправдания государственной власти.

Исторически идея гражданского общества обретает плоть и кровь только после появления на мировой арене первых светских национальных государств. Государства Европы, существовавшие под эгидой католического универсализма, не имели гражданского общества не только потому, что еще не сформировался особый тип человека-индивида, осведомленного о своих естественных правах и достигающего своих целей, учитывая права и свободы себе подобных. Нет, им не нужно было гражданское общество как нечто са-

* *Фишман Леонид Гершевич* — младший научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, кандидат политических наук.

мостоятельное, поскольку они не испытывали особых проблем с оправданием своей власти. С этим все было предельно ясно: власть королей происходила от Бога, а оправдание государства заключалось в удержании общества в рамках христианской морали вплоть до Страшного суда. Этого было более чем достаточно.

Проблема оправдания остро встала в связи с развертыванием секуляризации и, соответственно, с ослаблением трансцендентного источника оправдания государственной власти. В качестве основополагающих теоретических конструкций были использованы концепции естественных прав человека и народного суверенитета, отчуждаемого в пользу государства. На стыке этих двух концепций и появилось понятие гражданского общества.

Данное понятие, равно как и предполагаемая им реальность, изначально находилось в двойственном отношении к другому основному понятию — «государство». С одной стороны, либерально-демократические теоретики гражданского общества постулировали радикальную независимость его от государства, утверждая, что государство должно обслуживать гражданское общество, содействуя самореализации индивидов в его (гражданского общества) пределах. С другой стороны, утверждалась прямая зависимость гражданского общества от государства. Последняя точка зрения исходила из того, что гражданское общество вычленяется из «просто общества» только при активном участии государства. Фактически государство избирательностью своего взгляда и при помощи своей «символической власти» выделяет из всей совокупности социальных связей именно такие, которые имеют отношение к его, государства, функционированию. Отсюда в сферу собственно гражданского общества попадают партии, движения, общественные организации, инициативные группы и тому подобные образования, стремящиеся лоббировать свои интересы через государственные органы в законном порядке. Таким образом, государство призывается в качестве опекуна, обеспечивающего гражданскому обществу рамки права и законности, в которых оно только и может функционировать. Вне этих рамок гражданское общество становится невозможным и либо превращается в гоббсовскую «войну всех против всех», либо в общество, придавленное железной пятой авторитаризма, тоталитаризма и т.д.

Такая двойственность статуса гражданского общества по отношению к государству обусловлена одним обстоятельством: государству потребовался новый источник легитимации, который должен быть независимым от него, а значит, вызывающим доверие. Но так как подлинной независимостью может обладать только трансцендентный источник (Бог, Абсолют), то гражданское общество только *выглядит* независимым. Своим оформлением или, как сказал бы Гегель, определением, оно обязано нуждам нового либерально-демократического государства, которому понятие «гражданское общество» необходимо и как метафизический источник суверенитета, и как канал передачи этого суверенитета от членов общества государству. Эту истину, в общем-то, понимали и теоретики, отстаивавшие первичность и независимость гражданского общества, — они ведь рассуждали с точки зрения вполне определенного либерально-демократического идеала государственности. Тем не менее идея естественности (Природы) как фундамента человеческих прав была призвана обосновать именно первичность и независимость гражданского общества от «искусственного», придуманного и отчужденного государства. Надо отметить, что до некоторой степени создать иллюзию независимости удалось, и до сих пор разделение социальной реальности на некую первичную, «естественную» (малые социальные группы, культура, общность и т.п.) и вторичную, «искусственную» (экономика, политика) сферы является господствующим в социально-политических науках.

Итак, к середине XIX – началу XX в. был найден и описан квазитрансцендентный источник оправдания притязаний либерально-демократической власти. Им стало общество, понимаемое в широком смысле, с его многочисленными коммуникациями и культурой. Подуровнем же общества, непосредственно выходящим на государственные институты, стало «гражданское общество», призванное служить каналом перекачки «жизненной силы» обществу в структуры официальной власти¹. Этот подуровень был

¹ Процесс формирования самого понятия был инициирован событиями Великой французской революции, когда обнаружилась необходимость отделения человека от гражданина и общества от государства. Так и об-

организован таким образом, что способствовал успешной конвертации индивидуальных и групповых инициатив в государственные мероприятия. Процедуры такой конвертации явились механизмом специфической именно для либерально-демократической государственности формы подтверждения притязаний власти на исполнение своих функций — легитимации. Нетрудно заметить, насколько *легитимация* с ее сугубо имманентным (но представляемым как квазитрансцендентный) источником отличалась от трансцендентного *оправдания* власти в традиционных обществах.

Социокультурный кризис, потрясший Россию и Европу в первой трети XX в., вывел на арену иные формы симуляции трансцендентного оправдания власти — идеократические (коммунизм и фашизм). Соответствующие политические режимы, конечно, не нуждались в гражданском обществе в его либерально-демократическом понимании. Свои притязания на власть они черпали из особого рода идеологических конструктов, в соответствии с которыми должны были перестраиваться общества. Такой постановкой вопроса и фашистская, и коммунистическая формы идеократии были по сути обязаны либерально-демократической практике и теории. Последние, как уже говорилось выше, также предполагали трансформацию просто общества в гражданское общество. Отличие заключалось в гораздо более радикальном и явном трансцендировании данных конструктов и в том, что народ выступал в роли не изначального, а промежуточного источника государственного суверенитета. Народ только потому формально объявлялся источником суверенитета, что «отражал» в своем общественном бытии какую-либо абсолютную идею, миф, которые в свою очередь придавали смысл его государственному существованию. Разумеется, и эти режимы нуждались в институционально оформленных каналах перекачки человеческих ресурсов в государственную сферу. Но без постулирования общества как единственного источника определения власти такого рода каналы, конечно, гражданским обществом не являлись.

щество отделилось от «гражданского общества», как бы заплатив государству некую дань необходимой для его функционирования активностью.

Не было гражданского общества и в России, потому что исторически оправданием власти (царской, коммунистической или демократической) служило не общество как таковое, а нечто ему внеположное — Бог, коммунистическая эсхатология, идеология либеральной модернизации. Народный энтузиазм и активное участие в формировании новых политических структур в первые коммунистические и демократические годы были признаком не формирования гражданского общества, а следствием кратковременного ощущения людьми своей причастности некоему сакральному, легитимирующему власть измерению. Но теперь, как и в свое время в странах Западной Европы, обнаружилось, что *vox populi* — это всего лишь *vox populi* и ничего более. И этот *vox* совсем не обладает силой утраченных трансцендентных сущностей, некогда служивших опорой власти. Да и одной только силы трансцендентных сущностей, как показала история Запада, недостаточно для функционирования либерально-демократических государств: когда этой «отраженной силы» слишком много, демократия сменяется другими режимами или же находится под постоянной угрозой со стороны влиятельных экстремистов религиозного или идеократического толка. Другими словами, для стабильного функционирования демократических политических режимов необходимо «остывшее» общество, разочаровавшееся в своей способности эффективно соотноситься с требованиями каких-либо трансцендентных абсолютов и конвертировать их в политические практики и решения. Только общество, надеющееся в вопросах наделения власти полномочиями исключительно на самое себя, преобразуется под воздействием демократического и правового государства в гражданское общество.

Проблема заключается в том, что большинство россиян, по видимому, не желает воспринимать политические институты демократического государства как сферу, где различные группы всего лишь лоббируют свои интересы. До некоторых пор мы по инерции воспринимали власть как орудие в руках Абсолюта, а сейчас — как орудие, к этому Абсолюту всякое отношение потерявшее. Теперь эта власть имеет к нам только сугубо формальное отношение, смысла которого мы так и не понимаем. Это *не наша* власть и не

власть, в наших глазах оправданная. Мы опускаем в урны бюллетени, но не передаем вместе с ними часть своего суверенитета. Такой сущности у нас ведь просто нет, потому что мы никогда не считали, что власть прямо от него зависит. А теперь, когда суверенитет оказался нужен власти, мы не можем его «отчуждать». И так получилось, что избирательный процесс в условиях отсутствия критериев легитимации или оправдания обретает черты игры в рулетку, результатам которой мы можем либо доверять, либо не доверять.

Мы также теперь не обнаруживаем в себе и ценностей абсолютного масштаба, которые, будучи спроецированными на демократические политические институты, явились бы их оправданием. Ценности же «среднего» порядка — такие, как патриотизм, честь, достоинство — сами по себе, без включенности в более высокую иерархию не имеют оправдательной силы и медленно распадаются.

Таким образом, власть в России, как обычно в периоды кризисов, должна вновь уподобиться Мюнхгаузену и предпринять ряд целенаправленных мер по созданию для себя на сей раз уже гражданского общества. Ближайшее оправдание власти теперь заключается в необходимости модернизации, выживания и сохранения культурной идентичности. Но этого мало, по крайней мере для общества, которое еще не окончательно «остыло». В нашем обществе еще долго будет подниматься вопрос «а ради чего?», поскольку сами по себе эти цели имеют ограниченную ценность и смысл.

Похоже, удовлетворительного ответа на этот вопрос в России пока не имеет никто. В таких условиях власти остается только уповать на целенаправленное создание идеологии, основанной на ценностях «среднего» уровня и идеях модернизации и сохранения культурной идентичности. Вполне возможно, что будут привлекаться и элементы религиозно-мистического плана, как это делают «консервативные революционеры». Самое интересное состоит в том, что теперь в нашем обществе все больше распространяется сугубо инструментальное и волюнтаристское отношение к идеологии. Она лишилась мистического флера, а сейчас еще вдобавок потеряла признаки чего-то самодовлеющего, не сотворенного человеческим разумом. Теперь мы понимаем, что идеологии творятся

людьми — и вовсе не по вдохновению свыше. Свидетельством нарастания такого понимания становится появление художественных произведений, где требование создания идеологии с целью спасения России провозглашается открыто и даже описывается этот процесс.

О чем может свидетельствовать описанное выше явление? Мы уже начинаем привыкать к мысли о том, что в поисках источника легитимации нам придется обходиться своими собственными средствами, т.е. средствами индивидуального или коллективного разума. Такая «ступенчатая» имманентизация источника оправдания власти, похоже, является следующим этапом на пути трансформации российского общества из традиционного через идеократическое в собственно гражданское. Трудность, как обычно, заключается в том, что, проходя этот этап, Россия вновь оказывается «впереди планеты всей». Ведь идеологический волюнтаризм и соответствующее ему умонастроение являются компонентами постмодернистской эры, когда идеи не имеют реального эквивалента, а подчиняются «структурному закону ценности». Запад проходит этот этап уже после завершения становления гражданского общества. Когда же гражданское общество там формировалось, все было «всерьез» и идеологии обладали не характеристиками «симулякров», а властью сущностей, имеющих реальную силу; их борьбу сравнивали с битвами древних божеств. Мы же перескакиваем через этот этап «борьбы божеств», и нас, как всегда, ждет непредсказуемое будущее.

Насколько же гражданским окажется наше общество по прохождении этого этапа, во многом зависит от позиции власти и ее умения эффективно управлять начавшимся процессом.